

АЛЕКСАНДР ДАРКОВСКИЙ

ПЕПЕЛЬНЫЙ ЗАКОН

ПРОБУЖДЕНИЕ
В ПЕПЛЕ

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

Александр Дарковский

Пепельный закон. Книга 1: Пробуждение в пепле

<https://litres.ru/74289228>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даниил должен был умереть один раз. Вместо этого он открыл глаза в чужом теле, на чужой войне, под чужим именем — Каэль Вернер, слабый подмастерье мага, которого спасти не было смысла.

Но капитан наёмной роты, чьи пальцы источают запретную под страхом костра тьму, почему-то рискует ради него головой. А очень скоро выясняется, что кто-то в этом мире ждал появления Каэля ещё до того, как оно случилось.

Пока армия идёт навстречу легату, чья гвардия из поднятых мертвецов однажды стёрла с карты целую крепость, Каэль учится понимать магию так, как не понимал её здесь ещё никто. И этим привлекает внимание тех, чьё внимание опаснее любого врага на поле боя.

Первая кровопролитная битва. Первое предательство, зреющее в тени. И первый след того, что скоро назовут концом эпохи.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. ЧУЖОЕ ТЕЛО	7
ГЛАВА 2. ЛАГЕРЬ ПОСЛЕ БИТВЫ	12
ГЛАВА 3. ДЕВУШКА С МЕДНЫМИ ГЛАЗАМИ	19
ГЛАВА 4. ДОЛГ КАПИТАНА	24
ГЛАВА 5. ТО, ЧТО ИДЁТ СО СТОРОНЫ ХОЛМОВ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Дарковский

Пепельный закон. Книга

1: Пробуждение в пепле

ПРОЛОГ

Последнее, что помнил Даниил Ковалёв о своей жизни, — гудение трансформатора, слишком высокое для нормы, и то, как дежурная лампа над стендом мигнула три раза подряд. Словно предупреждала.

Он сам виноват. Знал же, что после полуночи в лабораторию лучше не соваться в одиночку — устав есть устав, и написан он не дураками. Но расчёты не сходились уже вторую неделю, а Даниил принадлежал к той редкой породе людей, для которых нерешённая задача болит физически, где-то за грудиной, не давая спать. Поэтому он остался. Поэтому включил контур в третий раз за ночь, хотя термопара на выходе показывала цифры, которых там быть не должно.

Институтская лаборатория в это время суток превращалась в отдельный, тесный мирок: гудение вытяжки, синеватый отсвет осциллографов, запах нагретой изоляции и растворимого кофе, остывшего в третьей за вечер кружке. На стене — распечатанные графики аномального затухания

энергии, которые Даниил снимал уже месяц и не мог объяснить ни одной известной моделью; на столе — раскрытый ежедневник с недописанной фразой «проверить корреляцию с фоновым...», оборвавшейся ровно там, где обрывается всё, что человек не успевает договорить. Дома его ждала пустая квартира, немытая чашка в раковине и мать, которой он в последний раз звонил в прошлое воскресенье и обещал приехать на её день рождения, — обещание, которое, как оказалось, он тоже не успел сдержать.

Вспышки он не увидел. Не успел. Было ощущение, словно кто-то без предупреждения открыл дверь в комнату, где Даниил стоял всю жизнь, и за дверью оказалось не соседнее помещение, а нечто без формы, без верха и низа, без «здесь» и «там» — и его, Даниила, двадцати семи лет от роду, кандидата физико-математических наук, без размышлений втянуло в этот проём вместе со всей его памятью, всеми недописанными статьями и невысказанными словами матери по телефону в прошлое воскресенье.

Боли не было. Было только затянувшееся, неправильно долгое падение — и очень отчётливая, спокойная мысль, пришедшая откуда-то со стороны, не его собственная: *«Этот подойдёт. Слишком поздно ему сопротивляться»*.

А потом — холод. Мокрый, землистый холод, пахнущий железом и палёным мясом.

И боль. Наконец-то боль — такая, что стало ясно: что бы ни случилось секунду назад, оно закончилось, и началось

что-то другое.

ГЛАВА 1. ЧУЖОЕ ТЕЛО

Первым, что он осознал, был вкус крови во рту — чужой, густой, тёплый, с металлическим привкусом, к которому организм физика из XXI века не был готов совершенно. Вторым — что грудь под левой ключицей прожигало насквозь, точно туда всадили раскалённый штырь и забыли вынуть.

Даниил открыл глаза — и не узнал ни неба над собой, ни рук, которые попытался поднять.

Небо было неправильным. Не грозовым, не ясным — просто *другим*, тускло-медным, точно солнце за облаками горело не так, как должно. Руки, попавшие в поле зрения, оказались чужими: тонкими, мальчишескими, с содранными в кровь костяшками и обгрызенными до мяса ногтями. Не его руки. Ему было двадцать семь, а эти пальцы принадлежали от силы восемнадцатилетнему пареньку.

Я умер, — подумал он с той бесстрастной ясностью, которая иногда приходит именно в моменты, когда положено кричать. *Я точно умер. Вопрос в том, куда меня занесло вместо положенного.*

Вокруг стонали люди. Много людей. Не абстрактно — где-то рядом, в шаге, в пяти шагах, повсюду, насколько хватало слуха. Кто-то звал мать. Кто-то — командира по имени, которое Даниил не знал. Пахло не только кровью и палёным — пахло вывернутыми внутренностями, горелой плотью и во-

лосом, мокрой землёй, перемешанной с чем-то, что раньше было людьми.

Поле битвы. Даниил читал о таком. Смотрел исторические реконструкции, документалки о Средневековье с закадровым голосом, который всегда звучал слишком спокойно для того, что показывали на экране. Ничего из этого не подготовило тело, в котором он оказался, к тому, что значило лежать посреди настоящего поля через час-два после того, как оно перестало быть полем битвы и стало просто полем.

Насколько хватало обзора искалеченному, лежащему на боку телу, земля вокруг была перепахана так, словно по ней прошёл десяток плугов сразу: вывороченный дёрн, воткнутые под немыслимыми углами обломанные древки копий, тут и там — брошенные щиты с облупившейся краской, ещё хранившие форму ударов, которые их раскололи. Доспехи на убитых были грубыми, клёпаными, где кожа, где варёная и потому задубевшая ткань, лишь изредка — тусклая, без единого зеркального блика сталь; ничего похожего на голливудские латы, только тяжёлый, практичный металл, забрызганный уже подсохшей, потемневшей кровью. Высоко в медном небе, лениво описывая круги, уже собирались первые вороны — терпеливые, деловитые, привычные к подобным полям куда больше, чем любой человек имел право быть.

— Эй. Эй, ты живой?

Голос — мужской, молодой, с хрипотцой человека, который слишком долго кричал команды. Над Даниилом навис

силуэт: чуть за двадцать на вид, худой, но жилистый, с той резкой, ладной статью, которая появляется у людей, годами выживающих в седле и в бою, а не в тренировочном зале. Тёмные, почти чёрные волосы, слипшиеся от пота и чего-то ещё, беспорядочно падали на высокий лоб; резкие, словно вырубленные топором скулы и упрямый, чуть выступающий вперёд подбородок делали лицо жёстким даже без всякого выражения. А глаза — светлые, почти бесцветные, стальным холодом выделявшиеся на смуглой от загара и вьевшейся гари коже, — глядели с тем цепким, оценивающим прищуром, что напрочь лишён был той жалости, которую Даниил ожидал бы увидеть у человека, склонившегося над умирающим.

— Каэль. Каэль, чтоб тебя, ты меня слышишь?

Каэль. Значит, так звали тело, в котором он теперь жил. Или — умирал.

Даниил попытался ответить и вместо слов выдал сипящий хрип пополам с новой волной крови. Незнакомец наверху выругался — коротко, привычно, без надрыва, — и Даниил только теперь обратил внимание на его руки: они были неподвижны над раной на груди Каэля, пальцы сложены в странном, нарочитом жесте, точно удерживали невидимую нить.

Между пальцами шла тьма. Не темнота — именно тьма, плотная, почти видимая на глаз, как дым от сырых дров, только чёрная, без запаха гари. Она стекала с кончиков пальцев незнакомца и впитывалась в рану на груди Каэля, и там, где она касалась плоти, боль на мгновение отступала, сменя-

ясь чем-то куда более пугающим: полным, абсолютным онемением, словно эта часть тела больше не принадлежала живому.

Магия, — понял Даниил, и эта мысль пробила даже сквозь ужас происходящего, потому что часть его — та самая, за которую он получил учёную степень, — не могла не отреагировать на то, что противоречило всей известной ему физике. *Это настоящая магия. Не фокус, не обман зрения. Настоящая.*

— Держись, — сказал незнакомец, не глядя на лицо Каэля, целиком сосредоточенный на ране. — Умирать раньше времени я тебе не разрешал. Мирра будет здесь через минуту, а до тех пор я не дам тебе изойти кровью, хочешь ты того или нет.

— Кто... — прохрипел Даниил чужим голосом, и звук собственной речи внутри чужой гортани отозвался странным, тревожным диссонансом. — Кто ты?

Незнакомец наконец поднял взгляд, и на долю секунды в его светлых глазах мелькнуло что-то похожее на удивление — как будто вопрос был не тем, что он ожидал услышать.

— Издеваешься? — он невесело усмехнулся уголком рта. — Три года бок о бок, а ты спрашиваешь, кто я. Хотя, — тьма между его пальцами дрогнула, — если ты в таком состоянии, что забыл собственного капитана роты, то, наверное, не буду спорить с умирающим.

Он наклонился ближе, и голос его стал тише — почти до-

верительным, почти нежным, что плохо сочеталось с чернотой, стекающей с его пальцев прямо в открытую рану:

— Кассиан. Меня зовут Кассиан, Каэль. И я, кажется, второй раз за сегодня вытаскиваю тебя с того света. В третий раз, будь добр, постарайся сам.

Даниил — Каэль — почувствовал, как чужое, израненное тело наконец начинает подчиняться какой-то новой, чуждой ему логике: боль отступала неровными, дёргаными рывками, точно её сшивали заново из кусков. Сознание держалось на грани, потрёпанное и растерянное между тем, кем он был, и тем, кем стал.

Последней ясной мыслью, прежде чем темнота — на этот раз просто темнота обморока, без всякой магии, — забрала его снова, была не о боли, не о крови, не о медном небе над незнакомым полем.

Кассиан. Он запомнил это имя. Что-то в том, как чёрное стекало с его пальцев в чужую рану без единой тени сомнения, подсказывало: это имя ещё будет для него значить очень, очень много.

ГЛАВА 2. ЛАГЕРЬ ПОСЛЕ БИТВЫ

Он очнулся во второй раз уже не на поле, а под холстиной, пропахшей воском, травами и чем-то приторным, похожим на гниющую рыбу — позже он узнает, что так пахнет мазь из мха-кровяника, которой здесь лечат нагноившиеся раны. Грудь всё ещё болела, но это была уже нормальная, обычная боль, не то жуткое, ватное онемение от тьмы на пальцах Касиана.

Даниил — теперь он старался думать о себе именно так, цепляясь за собственное имя, как за последний якорь в мире, переставшем подчиняться знакомым законам, — открыл глаза и обнаружил над собой парусиновый потолок палатки, серый в утреннем свете, и ряды тюфяков по обе стороны, на большинстве из которых лежали люди в разной степени изувеченности.

Госпиталь. Полевой госпиталь настоящей средневековой войны, без анестезии в привычном смысле, без антибиотиков, без всего, что Даниил считал само собой разумеющимся в своей прошлой — теперь окончательно прошлой — жизни.

Между тюфяками сновали не столько лекари, сколько все, кого можно было приставить к делу: старухи-травницы с корзинами сушёных трав, мальчишки-подмастерья, разносившие тряпье и воду, суровые сестры-послушницы Ордена в серых рясах, шептавшие над ранеными простые загово-

ры на заживление — «дозволенную» магию, слабую, но достаточно надёжную, чтобы не бояться костра Инквизиции. Кто-то стонал ровно, как заведённый, не переставая; кто-то, наоборот, молчал так, что было страшнее любого крика. В дальнем углу палатки лекарь пилил что-то, судя по звуку — кость, и Даниил заставил себя не думать, что именно.

Он ещё не знал здешней медицины, но и беглого взгляда хватало, чтобы понять, как тонка тут грань между жизнью и смертью. Раненого спасали не столько умением, сколько удачей: чистой ли оказалась рана, крепок ли человек, найдётся ли у травницы нужный корень. Тех, кому не могли помочь, не мучили — их относили в отдельный, отгороженный холстиной угол, откуда не доносилось стонов, только изредка — тихий, надтреснутый голос сестры-послушницы, читавшей отходную. Даниил, привыкший к миру, где смерть пряталась за стерильными дверями реанимаций, за аппаратами и капельницами, здесь впервые увидел её вот такой — будничной, близкой, разложенной по углам одной палатки, как товар на прилавке. И от этой обыденности мороз шёл по коже сильнее, чем от самих ран.

— Очнулся всё-таки. — Голос принадлежал девушке, присевшей у соседнего тюфяка: невысокая, стройная, с копной русых волос, кое-как схваченных в узел на затылке — несколько непослушных прядей всё равно падали на румяное от усталости и жара печей лицо. Большие карие глаза, тёплые и внимательные, странно не вязались с руками по ло-

коть в свежей крови — не своей, судя по тому, как спокойно она их вытирала о фартук, туго обтягивавший тонкую талию. При других обстоятельствах, подумал где-то на краю сознания Даниил, она была бы по-настоящему хороша собой — той простой, живой красотой деревенской травницы, которую не портят ни усталость, ни чужая кровь под ногтями. — Кассиан сказал, что дважды тебя откачивал. Ты бьёшь личный рекорд по количеству попыток умереть за одну битву, Каэль Вернер.

— Кто... — начал он и осёкся, вспомнив, к чему привёл тот же вопрос в первый раз. Лучше слушать. Лучше — вспоминать.

Память тела — не его собственная, но каким-то образом доступная, словно хранившаяся в отдельном, полуразрушенном шкафу — подсказывала обрывками: девушку зовут Мирра, она полевой лекарь роты, дочь травницы, единственная, кто без страха стоит рядом с Кассианом, когда тот творит свою тёмную работу. Остальные держатся от него на расстоянии — как от чего-то заразного.

— Мирра, — выговорил он вслух, пробуя слово на вкус, и девушка удивлённо приподняла бровь.

— Голову ударило сильнее, чем я думала. Ты сегодня со всеми здороваешься заново?

— Что-то вроде того, — уклончиво ответил Даниил, и это была первая ложь, которую он произнёс в новом теле — не последняя, понимал он уже тогда, потому что правду — я

не тот, кем был вчера, я вообще не отсюда — здесь никто бы не пережил спокойно. Ни Мирра со своей добротой, ни Кассиан со своей тьмой между пальцев, ни кто угодно ещё.

Он лежал, разглядывая серый парусиновый потолок, и по кусочкам собирал то небольшое, что успел выцедить из чужой памяти за те несколько минут, прошедшие с первого пробуждения. Королевство Дренмор. Война с Империей Кальдрат — не первый год, судя по тому, как буднично здесь произносили это слово, «война», без пафоса и ужаса, с которым его произносили бы у Даниила дома. Рота наёмников-магов под командованием капитана Кассиана Ноктюрна, приданная регулярному войску герцога — здесь чужая память спотыкалась, точно само имя герцога стиралось при попытке вспомнить, — для усиления флангов там, где не хватало «дозволенной» магии Ордена.

Каэль Вернер, восемнадцати лет, подмастерье-недоучка, слишком слабый для нормального боевого мага, слишком упрямый, чтобы бросить попытки им стать. Сирота — родителей не помнил ни он сам в прежней жизни, ни, судя по всему, настоящий Каэль в своей.

Удобно, — с горькой иронией подумал Даниил. Некому будет заметить подмену.

— Ты как себя чувствуешь, кроме того, что забываешь имена? — спросила Мирра, закончив перевязку и придвинувшись ближе, чтобы осмотреть его грудь. Свежий шрам — розовый, стянутый неровными нитками тёмной магии Кас-

сиана — уже наполовину затянулся, что для настоящей раны такой глубины было попросту невозможно. — Кассиан вложил в тебя больше сил, чем в кого-либо за последний месяц. Не знаю, что он в тебе видит, но бережёт как перед парадом.

— А что, — Даниил осторожно подбирал слова, стараясь звучать как человек, который просто плохо соображает после ранения, а не как чужак, изучающий новый мир с нуля, — обычно он так не делает?

Мирра посмотрела на него долгим, странным взглядом.

— Обычно, — сказала она тихо, — он бережёт силы для тех, кого может спасти без тьмы. С тьмой — только когда иначе тело не удержать. Ты был почти мёртв, Каэль. Дважды. И оба раза он предпочёл рискнуть тем, за что Инквизиция сожжёт его на площади без суда, лишь бы не дать тебе умереть окончательно.

Она произнесла это без особого выражения — как факт, не как признание в дружбе, — но Даниил, ещё вчера бывший человеком, привыкшим искать закономерности в разрозненных данных, отметил это как важную переменную в уравнении, которое ему предстояло решать заново: если Кассиан рисковал ради Каэля жизнью — почему?

Ответа пока не было. Только смутное, тревожное чувство, что цена этого ответа однажды окажется куда выше, чем он готов заплатить.

Позже, когда Мирра отошла к другому раненому и оставила его наконец одного, Даниил впервые за всё это время

сумел разглядеть себя — не в зеркале, которого в полевом госпитале не водилось, а в тёмной, чуть подрагивающей глади воды в тазу, оставленном у тюфяка.

Из воды на него смотрело чужое лицо — узкое, точёное, с высокими скулами и той характерной худобой, что бывает у людей, недоедавших слишком долго и слишком рано, чтобы вырасти в полную силу. Спутанные, потемневшие от засохшей крови волосы неопределённого русо-каштанового цвета падали на лоб, а над левой бровью белел старый, давно заживший шрам — память о какой-то истории из прошлого настоящего Каэля, о которой Даниилу оставалось только гадать. Серо-зелёные глаза, обрамлённые слишком тёмными для такого светлого лица ресницами, смотрели на него из отражения с тем же ошеломлённым узнаванием, какое, должно быть, испытывал бы он сам, встретив незнакомца, который зачем-то донашивает его старую одежду.

Он долго вглядывался в это лицо, пытаясь заставить себя поверить, что оно теперь его. Не выходило. Разум упрямо твердил, что настоящее его отражение осталось там, в стеклянных дверях институтской лаборатории, — тридцать с небольшим, усталые глаза, двухдневная щетина, — а это, в воде, чья-то чужая беда, к которой он не имеет отношения. И всё же именно этими губами он говорил, этими руками только что тянулся к воде, этим сердцем — колотящимся, живым — чувствовал страх. *Симпатичный парень*, — попытался отшутиться он сам с собой, привычно, как отшучивал-

ся всю прошлую жизнь от всего, что было слишком велико, чтобы осмыслить сразу. *Жаль, что до смерти голодный и, судя по всему, привык, чтобы его били по лицу чаще, чем кормили.* Шутка не помогла. Он отвёл взгляд от воды с тяжёлым, незнакомым чувством — будто предал кого-то одним фактом того, что остался жить.

ГЛАВА 3. ДЕВУШКА С МЕДНЫМИ ГЛАЗАМИ

К вечеру третьего дня Даниилу — вернее, Каэлю, он всё чаще ловил себя на том, что думает о себе именно этим именем, — разрешили выйти из госпитальной палатки и, опираясь на самодельный костыль, прогуляться по лагерю.

Лагерь под стенами Хальгрена — приграничной крепости Дренмора, которую армия герцога отбила у Кальдрата три дня назад ценой, судя по количеству свежих могил за частоколом, немалой, — жил своей жизнью: кузнецы чинили доспехи, обозные разгружали телеги с провизией, где-то далеко ржали кони, а над всем этим стоял тяжёлый, неистребимый запах гари и мокрой земли, к которому Даниил постепенно, с отвращением к самому себе, начинал привыкать.

Сама крепость возвышалась над лагерем тёмным, закопчённым силуэтом — одна из башен всё ещё щерилась обугленным нутром там, где кальдратская осадная машина проломила стену перед тем, как её саму отбили обратно. Над воротами трепетало на ветру знамя Дренмора — серебряный волк на синем поле, — рядом с ним, чуть ниже, реяли потрёпанные штандарты рот, стоявших лагерем: Каэль без труда узнал среди них чёрно-серую полосу роты Ноктюрна, единственную, вокруг которой солдаты других отрядов

держались с почтительной, суеверной осторожностью. Между палатками бродили маркитантки с корзинами, мальчишки-оруженосцы гоняли друг друга наперегонки, а хромой ветеран у костра неспешно точил меч, рассказывая столпившимся вокруг новобранцам байку, которую те явно слышали не в первый раз, но слушали всё равно.

Он как раз пытался вспомнить, где в лагере располагается кузница — чужая память тела выдавала эту информацию неохотно, урывками, словно настоящий Каэль редко бывал трезв достаточно, чтобы что-то толком запоминать, — когда его чуть не сбила с ног лошадь.

— Дорогу! — рявкнул женский голос, и Каэль отшатнулся, неловко взмахнув костылём, за секунду до того, как гнедая кобыла процокала мимо в опасной близости от его плеча.

Всадница осадила коня в паре шагов от него и обернулась — и Даниил в первый раз увидел Лирейн Дренмор не как имя из обрывков чужой памяти, а как живого человека: женщина лет двадцати пяти, высокая почти на голову выше Мирры, с той стройной, крепкой фигурой воина, в которой равно читались и годы верховой езды, и годы владения мечом, — фигурой, которую лёгкая кольчуга поверх стёганого гамбезона не столько скрывала, сколько выгодно облегла, обрисовывая узкую талию и прямые, развёрнутые плечи. Тёмные, почти вороного отлива волосы были заплетены в тугую косу, перекинутую через плечо, — ни одна прядь не выбивалась — даже причёска, казалось, подчинялась военной

дисциплине, — а на смуглом от степного солнца и ветра лице выделялись высокие скулы, полные, чуть обветренные губы и глаза того редкого медного оттенка, который бывает у людей на старых портретах, — так, что сперва не веришь, что это природный цвет, а не игра света. Красота её была не той хрупкой, что просит защиты, а той хищной, уверенной, что сама способна убить и защитить — и от этого притягивала взгляд едва ли не сильнее.

— Ты цел? — спросила она без особой заботы в голосе, скорее с досадой человека, которому помешали спешить куда-то по делу. — Извини, не заметила тебя за телегами.

— Цел, — ответил Каэль, хотя сердце колотилось так, точно он снова получил рану под ключицу. — Бывало и хуже на этой неделе.

Что-то в его тоне — а может, просто в самой формулировке, слишком сухой и слишком похожей на чёрный юмор, для здешнего восемнадцатилетнего подмастерья нехарактерный, — заставило Лирейн задержать на нём взгляд чуть дольше, чем требовала простая вежливость после случайного столкновения.

— Ты один из роты Ноктюрна, — сказала она, не спрашивая, а констатируя, разглядывая нашивку на его плаще. — Слышала, вас потрепало сильнее прочих на левом фланге.

— Слышали правильно.

— И тем не менее шутишь.

— А что остаётся, — Даниил пожал плечами, всё ещё не

до конца доверяя собственному языку в этом теле, но чужая, привычная непринуждённость, кажется, начинала прирастать к нему сама — тело помнило то, чего не помнил разум. — Плакать я уже пробовал. Не помогло с раной.

Лирейн неожиданно усмехнулась — коротко, почти против воли, словно позволила себе на секунду забыть, что находится в разговоре с чужим наёмным подмастерьем, а не с кем-то равным по положению.

— Как тебя зовут?

— Каэль. Каэль Вернер.

— Лирейн, — представилась она, хотя, судя по тому, как несколько проходящих мимо солдат при виде неё почтительно склонили головы, представляться ей полагалось едва ли не в последнюю очередь. — Племянница герцога, если тебе это важно знать, прежде чем ты решишь, стоит ли продолжать со мной шутить.

— Важно, — честно признал он. — Но, кажется, уже поздно останавливаться.

Она смотрела на него ещё несколько долгих секунд — оценивающе, но без враждебности, — а затем что-то в отдалении привлекло её внимание: гонец, спешащий к штабной палатке с явно недобрыми вестями, судя по тому, как быстро он перешёл на бег в последние десять шагов.

— Мне пора, — сказала Лирейн, разворачивая лошадь. — Надеюсь, в следующий раз, Каэль Вернер, я собою тебя не случайно, а за дело — если твои шутки к тому времени

не иссякнут.

Она ускокала прежде, чем он успел придумать достойный ответ, оставив после себя только пыль, стук копыт и странное, незнакомое тепло где-то под рёбрами — тепло, которое не имело никакого отношения к магии Кассиана и было куда опаснее любой раны, полученной на поле боя.

Отлично, — подумал Даниил, глядя ей вслед. Умер один раз, очнулся в теле чужого мальчишки на войне, которой не понимаю, среди магии, которой не должно существовать, — и первое, что делает это новое, чужое сердце без всякого моего разрешения, — тянется к племяннице герцога. Как будто мне мало было проблем. Он усмехнулся собственной глупости — и вдруг поймал себя на том, что усмешка вышла почти естественной, почти его. Тело привыкало к нему быстрее, чем он к телу.

Гонец, которого он заметил секундой раньше, добежал до штабной палатки и скрылся внутри. А несколько минут спустя по лагерю пронёсся приказ, от которого даже выдавшие виды ветераны помрачнели: разведка донесла, что Кальдрат стягивает к Хальгрену новые силы — и не только людские.

Что бы ни означали слова «не только людские» на здешнем языке войны, Каэль — и Даниил внутри него — понимал: покой в лагере закончился, толком не начавшись.

ГЛАВА 4. ДОЛГ КАПИТАНА

Весть о подкреплении Кальдрата разошлась по лагерю быстрее, чем распространяется зараза в переполненном госпитале, и к закату от беззаботности, которую ещё утром позволяли себе даже раненые, не осталось следа. Каэль слышал обрывки разговоров у костров — «не только людские», «маги крови», «то же, что под Ольхаром три года назад» — и по тому, как понижали голос старые солдаты, произнося это, понимал: слово «то же, что под Ольхаром» здесь бояться больше, чем самого Кальдрата.

Он нашёл Кассиана на самой окраине лагеря, там, где ча-стокол ещё не был достроен и в темноту уходила полоса разрытой, перепаханной боем земли. Небо к этому часу налилось густым, предгрозовым багрянцем — единственным ярким пятном на фоне серых палаток и чёрных остовов сожжённых телег, — а воздух пах сыростью и близким дождём вперемешку со стойким, въевшимся в землю запахом недавней бойни. Капитан сидел на корточках возле тела в форме кальдратского пехотинца — судя по цвету плаща, офицера, — и делал что-то руками над его лицом, беззвучно шевеля губами.

Каэль замер в нескольких шагах, не решаясь подойти ближе. Тьма между пальцами Кассиана в этот раз была не такой густой, как во время боя, — тонкая, почти прозрачная нить,

тянущаяся от его руки к приоткрытым векам мертвеца.

— Не бойся, — не оборачиваясь, произнёс Кассиан. — Он не встанет. Я просто спрашиваю.

— Спрашиваешь мёртвого?

— Мёртвые не лгут. — Кассиан наконец поднялся, вытирая руки о полу плаща, точно прикосновение к смерти было обычной дорожной пылью. — Живые лгут постоянно, особенно под пыткой. А эти, — он кивнул на тело, — ещё помнят достаточно, чтобы рассказать, куда шли и с кем говорил их командир перед боем. Три минуты, пока память не остыла окончательно вместе с телом. Дальше — просто мясо.

Он говорил об этом с той же будничной интонацией, с какой Мирра рассказывала о свойствах мха-кровяника, — и эта обыденность пугала Каэля сильнее, чем сама тьма на его пальцах.

— Зачем ты рискуешь? — спросил Каэль напрямую, потому что откладывать этот вопрос дальше означало откладывать его навсегда. — За такое, я слышал, Инквизиция сжигает без суда. А ты делаешь это в двух шагах от лагеря, где угодно может пройти патруль.

Кассиан долго смотрел на него — тем же оценивающим, слишком внимательным взглядом, что и в первую встречу над раной под ключицей.

— А почему ты спрашиваешь так, будто впервые об этом слышишь? — тихо произнёс он. — Три года ты делал вид, что не замечаешь. Все делают вид. Так проще.

Даниил внутри Каэля мысленно чертыхнулся: ещё одна ниточка, за которую можно было бы дёрнуть, если бы не риск запутаться самому. Он не знал, каким был прежний Каэль в подобных разговорах, — только предполагал, опираясь на скудные обрывки чужой памяти.

— После двух смертей за один день, — вслух сказал он, стараясь звучать ровно, — начинаешь задавать вопросы, которые раньше казались неважными.

Это, кажется, сработало — Кассиан слегка расслабил плечи — услышанное, похоже, укладывалось в его картину мира лучше, чем настороженность.

— Рискую, — сказал он наконец, — потому что мне было приказано.

— Приказано? Кем?

Кассиан вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо кусок пергамента — потрёпанный, с восковой печатью, треснувшей от частого раскрытия и запечатывания заново.

— Полгода назад, — сказал он, не спеша разворачивать письмо, — из столицы пришёл ворон. От архимага Кориуса Вейла, главы боевого крыла Ордена. Не тебе — мне. Приказ присматривать за подмастерьем по имени Каэль Вернер, докладывать о любых изменениях в его манере колдовать. Особо — если он начнёт делать что-то *иначе*, чем принято.

У Каэля — у Даниила — внутри похолодело так, как не холодело даже на медном рассвете после первого пробуждения.

— Иначе? — переспросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Что значит «иначе»?

— Понятия не имею, — Кассиан пожал плечами, и в этом жесте не было лжи, только искреннее раздражение человека, которому дали приказ без объяснений. — Ты был обычным слабым подмастерьем, Каэль. Хуже половины роты по силе, зато упрямее всех — вечно чиркал какие-то значки на полях уставов, вместо того чтобы просто повторять заклинание, как показывали. Архимаг велел следить именно за этим. За тем, как ты пытаешься объяснить магию, а не просто её творить.

Даниил похолодел во второй раз, уже по-настоящему, потому что это описание — попытки объяснить магию, а не просто её творить, — было не про Каэля. Это было про него самого, про физика, который не мог смотреть ни на одно явление, не выискивая в нём закономерность. Либо прежний Каэль неосознанно нёс в себе тень того же дара, что и Даниил, — что казалось невероятным совпадением, — либо кто-то или что-то ещё полгода назад уже почувствовало приближение того, что произошло с ним на поле боя под Хальгреном.

Приближение меня, — подумал он с холодной, отстранённой ясностью учёного, привыкшего доверять данным больше, чем собственному испугу. Кто-то ждал этого. Ещё до того, как я сам об этом узнал.

— И что ты напишешь теперь? — спросил он вслух. — В

следующем докладе.

Кассиан посмотрел на него долгим взглядом, в котором впервые за разговор мелькнуло что-то похожее на настоящую тревогу — не за себя, понял Каэль, а за него.

— Ещё не решил, — тихо сказал капитан, пряча пергамент обратно за пазуху. — Но советую тебе, подмастерье, в ближайшее время колдовать как можно менее *иначе*. Пока я не пойму, чего на самом деле хочет архимаг — защитить тебя или найти повод убрать.

Он развернулся и зашагал обратно к лагерю, оставив Каэля наедине с мёртвым кальдратским офицером, медным закатным небом и тем самым холодом под рёбрами, который не имел никакого отношения ни к ране, ни к погоде, ни даже к магии.

Где-то за частоколом протрубил рог — не тревожный, но и не праздничный: сигнал, означавший, что дозорные заметили движение на дальних холмах, там, откуда через день или два должны были подойти кальдратские подкрепления.

Не только людские.

Каэль поднялся и, опираясь на костыль, побрёл обратно в лагерь, унося с собой первое по-настоящему ясное понимание: он оказался не просто случайным пассажиром в чужом теле на чужой войне. Кто-то в этом мире уже знал о нём — или о ком-то вроде него — заранее. И этот кто-то носил титул архимага.

ГЛАВА 5. ТО, ЧТО ИДЁТ СО СТОРОНЫ ХОЛМОВ

Два дня прошли в лихорадочной, будничной подготовке — той особой войсковой суете, в которой страх прячется за бесконечным перечнем дел: точат клинки, латают частокол, проверяют защитные знаки на воротах Хальгрена. Каэлю, всё ещё слишком слабому для настоящего боя, поручили работу попроще — обновлять охранные руны на телегах с провиантом, чтобы кальдратские лазутчики не могли отравить припасы на расстоянии.

Работа была нудной, но она-то наконец и дала Даниилу возможность спокойно, без спешки рассмотреть здешнюю магию вблизи. Теперь он всё чаще называл себя этим именем — Даниил, — отделяя внутренний голос от Каэля, словно две половины одного человека, которым волей-неволей приходилось уживаться в одном теле.

Руна представляла собой не заклинание в привычном смысле, а скорее замкнутый узор, прочерченный особыми чернилами на дереве, — узор, который маг «заряжал» усилием воли, вливая в линии тонкую нить силы. Большинство магов делали это чисто интуитивно, повторяя движения, которым их обучили, не задумываясь, почему узор работает именно так, а не иначе.

Каэль задумался. И, задумавшись, за час перерисовал три руны так, что расход силы на их поддержание упал едва ли не вдвое — просто убрав из узора несколько линий, которые, насколько он мог судить, не выполняли никакой функции, кроме традиционной красоты.

— Ты откуда это взял? — спросил проходивший мимо старый маг-обозник, разглядывая переделанную руну с таким лицом, точно увидел, как подмастерье на ходу переизобретает колесо. — Такому не учат в академиях.

— Само получилось, — соврал Каэль, вспомнив предупреждение Кассиана колдовать как можно менее «иначе», и торопливо стёр половину работы, вернув рунам их избыточную, но привычную форму.

Прости, — мысленно сказал он то ли себе, то ли призраку настоящего Каэля, — придётся тебе побыть немного глупее, чем ты есть. Пока не разберусь, чем это грозит.

К полудню второго дня он столкнулся с Лирейн у коновязи — на этот раз без риска быть сбитым лошадью, потому что она стояла на месте, хмуро глядя на карту, разложенную на ящике из-под стрел.

— Опять шутишь про раны? — спросила она, не поднимая головы, но уголок губ у неё дрогнул.

— Сегодня без шуток, — честно ответил Каэль, подходя ближе. — Что на карте?

Лирейн покосилась на него — оценивая, стоит ли делиться военными данными с подмастерьем из наёмной роты, —

но, видимо, решила, что хуже уже не будет.

— Разведка досчиталась знамён легата Дорна, — сказала она, ткнув пальцем в отметку на холмах к востоку от Хальгрена. — Знаешь это имя?

— Нет, — честно признался Каэль, и на этот раз это не было ложью новоприбывшего чужака: чужая память Каэля тоже молчала.

— Значит, тебе повезло, — мрачно сказала Лирейн. — Морвин Дорн командовал легионом под Ольхаром три года назад. Ту крепость мы потеряли за одну ночь — не из-за численного перевеса, а из-за того, что вышло из тумана на рассвете вместе с его пехотой. — Она помолчала, подбирая слова, которые не звучали бы суеверным ужасом необразованной крестьянки. — Мертвецы, Каэль. Свои же мертвецы, поднятые с прошлых боёв, шли в атаку в первых рядах вместе с живыми. Дорн возит с собой некроманта, которого сама Империя не признаёт официально, но и не запрещает, пока тот побеждает для неё чужими руками.

Даниил внутри Каэля похолодел — уже третий раз за неполную неделю, — но на этот раз не от абстрактного ужаса перед магией, а от вполне конкретной, физической мысли: если у Кальдрата есть свой некромант на службе, а у Дренмора — Кассиан, чьё ремесло здесь карается костром, то различие между «своей» и «вражеской» тьмой оказывалось куда тоньше, чем хотели бы признать по обе стороны фронта.

— Твой капитан знает? — спросила Лирейн, словно про-

читав часть его мыслей. — Про Дорна и его некроманта.

— Наверное, — уклончиво ответил Каэль. — Я спрошу.

Ответ пришёл раньше, чем он успел кого-либо спросить.

На третий рассвет с востока, со стороны холмов, куда указывала карта Лирейн, дозорные протрубили тревогу — не разведывательный сигнал, а полный, три коротких удара подряд, означавший, что видно вражеское войско собственными глазами, без всякой разведки.

Каэль вместе с половиной лагеря взобрался на частокол, чтобы увидеть то, о чём предупреждала Лирейн, — и то, что открылось взгляду в сером утреннем свете, заставило замолчать даже самых бывалых ветеранов.

Кальдратская пехота шла плотными, безупречно ровными рядами — слишком ровными для живых людей, устающих, спотыкающихся, сбивающихся с шага. Над строем не поднималось ни облачка пара от дыхания, хотя утро было по-осеннему морозным. А между рядами, чуть позади, плыло нечто, что Каэль сперва принял за клубы тумана, — пока не разглядел в этих клубах смутные, неровные очертания человеческих фигур, сотканых, чудилось, из серого дыма и старой, полустёршейся памяти о том, чем они были при жизни.

— Пепельная гвардия, — раздался рядом голос Кассиана — Каэль не заметил, когда тот подошёл. Капитан смотрел на приближающееся войско без прежней иронии, лицо его было напряжено так, как Каэль ещё не видел. — Дорн привёл не просто мертвецов. Он привёл тех, кого поднимали и

опускали в землю столько раз, что от них остались одни тени прежних людей. Это... — Кассиан осёкся, подбирая слово, которое не выдало бы, насколько сильно он сам напуган. — Это грязная работа, Каэль. Даже по меркам того, что делаю я.

Он повернулся к Каэлю, и в его светлых, почти бесцветных глазах промелькнуло что-то, чего Каэль не ожидал увидеть у человека, способного беззвучно допрашивать мертвецов, — неподдельная, честная тревога.

— Держись рядом со мной, когда начнётся, — тихо сказал Кассиан. — Что бы ни случилось. Обещай мне это, подмастерье.

Каэль пообещал — и, обещая, впервые за всю неделю в новом теле почувствовал, что это, возможно, единственное обещание в этом мире, которое он твёрдо намерен сдержать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.